

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ АКАДЕМИИ

Возобновляя традицию дореволюционного «Богословского вестника», предлагаем вниманию читателей материалы заседаний Совета Академии, связанные с защитой диссертаций и дипломных работ (от 8 июня и от 30 августа 2002 года). Заседания Совета Академии обычно созываются в году три раза: перед началом учебного года, по окончании первого семестра и после завершения учебного года. После выдержек из Журнала заседания Совета МДАиС приведены отзывы рецензентов на лучшие из представленных работ или на работы, ставшие предметом особого внимания и обсуждения.

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ СОВЕТА МДАиС ОТ 8 ИЮНЯ 2002 ГОДА

Слушали:

Сообщение Секретаря Совета Академии и Семинарии профессора архимандрита Платона (Игумнова) о защите кандидатских диссертаций и дипломных работ.

29 мая с. г. состоялась защита кандидатской диссертации выпускника Академии священника Димитрия Дворникова по кафедре Истории западных исповеданий на тему «Диалектическая теология Карла Барта» и диссертации преподавателя Академии протоиерея Валентина Асмуса, представленной на соискание ученой степени кандидата богословия по кафедре Истории Древней Церкви на тему «Православие, государственность, культура». На основании отзывов рецензентов и результатов ответов диссертантов комиссия членов Совета Академии и Семинарии признала выпускника Академии священника Димитрия Дворникова достойным присуждения ученой степени кандидата богословия, а преподавателя Академии протоиерея Валентина Асмуса, принимая во вни-

мание высокую научную ценность представленного им труда, ученой степени магистра богословия.

6 июня с. г. состоялась защита кандидатских диссертаций и дипломных работ выпускников Академии. К защите было представлено 38 кандидатских диссертаций и 12 дипломных работ.

*Лучшими кандидатскими диссертациями
были признаны работы:*

1. Иеромонаха Вассиана (Змеева) (по кафедре Патрологии на тему: «Святитель Амфилохий Иконийский как церковный писатель и богослов»);

2. Священника Георгия Климова (по кафедре Патрологии на тему: «Учение Церкви о браке и девстве по творениям святых отцов и учителей Церкви доникейского периода»);

3. Священника Максима Шевцова (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Церковные соборы времени патриархов Иоакима и Адриана»);

4. Протоиерея Дмитрия Кравченко (по кафедре Православной педагогики на тему: «Классические педагогические системы Руссо, Гербарта и Фребеля в свете православной педагогики»).

Среди дипломных работ лучшей была признана дипломная работа протоиерея Александра Мякина (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Взаимоотношения Церкви и государства в 50-е—70-е годы XX столетия в Горьковской (Нижегородской) епархии»), за которую ему была присуждена ученая степень кандидата богословия.

Не защитили кандидатские диссертации:

1. Банников Константин (по кафедре Истории русской религиозной мысли на тему: «Религиозно-философские взгляды Георгия Ивановича Гурджиева»);

2. Пухкан Дмитрий (по кафедре Пастырского богословия на тему: «Святоотеческое учение о духовном наставнике»);
3. Игумен Корнилий (Кабаргин) (по кафедре Истории западных исповеданий на тему: «Обзор официальных посланий папы Римского Иоанна Павла II»);
4. Священник Георгий Кулемин (по кафедре Церковной археологии на тему: «Храмы Балашихинского благочиния Московской епархии. Опыт церковно-археологического исследования (история, архитектура, святыни»);
5. Священник Вадим Базылев (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «История Пермской епархии с 1918 по 1945 год»).

Выпускник Царицынского Православного университета А. Р. Михайлишин *отказался от защиты* представленной им диссертации накануне дня защиты (им была представлена кандидатская диссертация по кафедре Литургики на тему: «Афоно-Константинопольская редакция Иерусалимского Устава и ее распространение в славянских странах»).

Не защитил дипломную работу священник Георгий Крецу (по кафедре Церковной археологии на тему: «Верхотурский Николаевский монастырь: история, архитектура, святыни»).

Советом Академии были признаны *защитившими диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия* следующие выпускники по очному отделению:

1. Батурин Максим, священник (по кафедре Истории древнерусской литературы на тему: «Святой благоверный князь Андрей Боголюбский и письменность Владимирской Руси XII века»);
2. Беспалко Виталий, священник (по кафедре Истории Поместных Православных Церквей на тему: «Архимандрит Андроник (Попович) как историограф монастырей Нямец, Секул и Ново-Нямецкий»);

3. Бондаренко Дмитрий (по кафедре Священного Писания Нового Завета на тему: «Послание к Филиппийцам апостола Павла в русской библеистике»);

4. Ворохобов Александр (по кафедре Священного Писания Нового Завета на тему: «Послание святого апостола Павла к Ефесянам в русской библеистике»);

5. Гуляев Михаил, священник (по кафедре Церковной археологии на тему: «Иконография праздника святой Пятидесятницы»);

6. Денисов Александр (по кафедре Нравственного богословия на тему: «Христианская этика межличностного общения»);

7. Задорнов Александр, священник (по кафедре Истории русской религиозной мысли на тему «Религиозно-философские взгляды А. Ф. Лосева»);

8. Иеромонах Вассиан (Змеев) (по кафедре Патрологии на тему: «Святитель Амфилохий Иконийский как церковный писатель и богослов»);

9. Климов Георгий, священник (по кафедре Патрологии на тему: «Учение Церкви о браке и девстве по творениям святых отцов и учителей Церкви доникейского периода»);

10. Иеродиакон Евфимий (Моисеев) (по кафедре Истории Древней Церкви на тему: «Миссионерская деятельность святого Бонифация, просветителя германских народов»);

11. Пушков Сергей, священник (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Начальный период возрождения Московских Духовных школ (1944—1964 гг). Профессорско-преподавательская корпорация»);

12. Романович Николай (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Жизнь и труды архиепископа Сергия (Спасского)»);

13. Скузоваткин Сергей, диакон (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «История Саровской пустыни в XX веке»);

14. Трусилов Евгений (по кафедре Гомилетики на тему: «Гомилетическое наследие Иоанна (Снычева), митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского»);

15. Шарапов Владимир, священник (по кафедре Патрологии

на тему: «Богословские воззрения преподобного Максима Грека»);

16. Шевцов Максим, священник (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Церковные соборы времени патриархов Иоакима и Адриана»);

17. Шматько Владимир (по кафедре Миссиологии на тему: «Опыт построения курса „Основы Православия“ в системе пенитенциарных учреждений»);

18. Иеромонах Агапит (Юрков) (По кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Преподобный Феодор Санаксарский как самобытный возродитель русского монастырского старчества второй половины XVIII века»).

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники МДА по экстернату:

1. Кравченко Дмитрий, священник (по кафедре Православной педагогики на тему: «Классические педагогические системы Руссо, Гербарта и Фребеля в свете православной педагогики»);

2. Луговой Даниил, диакон (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «История Саввино-Сторожевского монастыря XIV—XX веков»);

3. Нефедов Андрей, диакон (по кафедре Истории церковного пения на тему: «Церковно-певческое наследие П. Г. Чеснокова»);

4. Нефедов Николай (по кафедре Литургики на тему: «Богослужение Страстной и Светлой седмиц по древнерусским памятникам XI—XIII веков»).

Признаны кандидатами богословия выпускники прошлых лет:

1. Иеромонах Зенон (Кузьмин) (по кафедре Пастырского богословия на тему: «Пастырское окормление слепых и глухих»);

2. Иеромонах Феогност (Дмитриев) (по кафедре Патрологии на тему: «Учение святителя Иоанна Златоуста о молитве»).

*Удостоены ученой степени кандидата богословия клирики
Сербской Православной Церкви:*

1. Игумен Герасим (Попович) (по кафедре Церковного права на тему: «Расколы в Сербской Православной Церкви (1945—1995 гг.) и их каноническая оценка»);
2. Миятович Жарко, протодиакон (по кафедре Истории Поместных Православных Церквей на тему: «Сербская Церковь во время патриархов Димитрия, Варнавы и Гавриила в 1920—1945 гг.»).

*Защитили диссертации на соискание ученой степени
кандидата богословия выпускники МДА
по Сектору заочного обучения:*

1. Игумен Серафим (Глушаков) (по кафедре Гомилетики на тему: «Проповедничество святителя Филарета, митрополита Московского (слова на освящение храмов)»);
2. Протоиерей Валентин Корнеев (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Кизлярский Крестовоздвиженский мужской монастырь и его просветительская деятельность на Северном Кавказе»);
3. Протоиерей Александр Слюнкин (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «История приписных к Киево-Печерской Лавре монастырей на территории Брянской епархии»);
4. Священник Андрей Михайлов (по кафедре Патрологии на тему: «Старчество преподобного Паисия (Величковского) и его оптинских последователей»);
5. Священник Дмитрий Синицын (по кафедре Истории Древней Церкви на тему: «Жизнь и миссионерские труды святого Патрика Ирландского»);
6. Иерей Максим Митрофанов (по кафедре Церковной археологии на тему: «Жанр святочного рассказа в русской литературе XIX века»).

Защитили дипломные работы по экстернату:

1. Горбатовский Николай, священник (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Деятельность приходских общин Русской Православной Церкви в период 1918—1930 годов на примере Нижегородской епархии»);

2. Ермилов Иоанн, священник (по кафедре Церковной археологии на тему: «Древнерусские меднолитые кресты (по собранию Церковно-археологического кабинета Московской Духовной Академии)»);

3. Иеромонах Ириней (Тафуня) (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «История Ново-Нямецкого монастыря»).

Защитили дипломные работы по Сектору заочного обучения:

1. Иерей Сергей Вылков (по кафедре Риторики на тему: «Логическая и риторическая аргументация»);

2. Протоиерей Анатолий Степанов (по кафедре Истории Древней Церкви на тему: «История и сущность иконоборчества»);

3. Священник Иоанн Мохов (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Архиереи Уфимской епархии Русской Православной Церкви периода 1859—1900 гг: служение, духовно-просветительская, миссионерская, пастырская деятельность»);

4. Протоиерей Александр Мякинин (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Взаимоотношения Церкви и государства в 50-е—70-е годы XX столетия в Горьковской (Нижегородской) епархии»), удостоен присуждения ученой степени кандидата богословия;

5. Иеромонах Алексей (Несмеев) (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Жизнь и труды преосвященного Нестора, епископа Камчатского»);

6. Священник Михаил Терентьев (по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Владимирское братство во имя святого благо-

верного великого князя Александра Невского. История, деятельность, современность»);

7. Священник Олег Беляев (по кафедре Нравственного богословия на тему: «Святейший Патриарх Сергий (Страгородский) и его нравственно-богословские воззрения»);

8. Священник Геннадий Орлов (по кафедре Нравственного богословия на тему: «Нравственная тематика песнопений Страстной седмицы»).

Постановили:

1. Работу комиссий по рассмотрению кандидатских диссертаций и дипломных работ выпускников Академии принять.

2. Направить на рассмотрение в ВАК диссертации священника Вадима Базылева и священника Дмитрия Синецына.

3. Считать целесообразным проводить защиты кандидатских диссертаций и дипломных работ выпускников Академии периодически несколько раз в течение учебного года.

4. Составить рапорт Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию о состоявшейся защите выпускниками Академии кандидатских и дипломных работ.

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ СОВЕТА МДАИС
ОТ 30 АВГУСТА 2002 ГОДА

Слушали:

Сообщение Секретаря Совета Академии профессора архимандрита Платона (Игумнова) о защите выпускниками Академии кандидатской диссертации и дипломной работы.

29 августа состоялось заседание комиссии членов Совета Московской Духовной Академии и Семинарии по рассмотрению работ выпускников Академии 2002 года Банникова Константина, представившего диссертацию на тему: «Религиозно-философские взгляды Георгия Ивановича Гурджиева», и архимандрита Вениамина

(Зарицкого), заместителя Николо-Угрешского монастыря и ректора Николо-Угрешской Духовной Семинарии, представившего дипломную работу на тему: «Святитель Макарий, митрополит Московский, и его религиозно-нравственные воззрения». Комиссия заслушала повторные отзывы рецензентов профессора Н. К. Гаврюшина и преподавателя священника Павла Великанова на представленную в доработанном виде диссертацию Банникова Константина и на основании отзывов рецензентов, давших хорошую оценку диссертации, и результатов защиты постановила признать диссертацию Банникова Константина заслуживающей хорошей оценки и просить Совет Академии присвоить автору ученую степень кандидата богословия. Комиссия, рассмотрев дипломную работу выпускника Академии по Сектору заочного обучения архимандрита Вениамина (Зарицкого), на основании отзыва рецензента и результатов защиты признала работу удовлетворительной.

Постановили:

Присвоить Банникову Константину ученую степень кандидата богословия, признать работу архимандрита Вениамина (Зарицкого) в качестве дипломного сочинения выпускника Академии и просить Его Святейшество утвердить настоящее Постановление Совета.

ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ¹

Публикуются отзывы на шесть кандидатских диссертаций и одну дипломную работу.

1.1. ОТЗЫВ профессора К. Е. СКУРАТА на кандидатскую диссертацию преподавателя Московской Духовной Академии протоиерея Валентина АСМУСА по кафедре Общей церков-

¹ Из Журнала № 3 заседаний Совета Московской Духовной Академии и Семинарии от 8 июня 2002 г.

ной истории на тему: «Православие, государственность, культура».

Труд прот. Валентина Асмуса представляет собой серию докладов, статей (всего 18) на различные темы, а также из выполненных автором переводов ценнейших творений из святоотеческого наследия и церковно-исторической области (8 наименований).

Диссертация огромна и по объему (307 страниц плотного, мелкого текста), и по количеству затронутых вопросов. Не вижу необходимости подробно рассматривать все доклады, статьи, вошедшие в данную диссертацию, так как они были или прочитаны перед широкой церковной общественностью, или же были опубликованы. И в том и в другом случае они хорошо известны церковному народу и им же достойно оценены. А это лучшая похвала. Рецензенту остается лишь свидетельствовать, что ему не известно ни одного критического или отрицательного замечания на работы, собранные в сборнике.

При первом взгляде могло бы показаться, что статьи эти не подчинены какой-либо системе или законам взаимосвязи. Но при внимательном отношении к ним достаточно четко просматривается последовательно углубляющееся изложение, вернее, обстоятельное раскрытие важнейшей тематики православного мировоззрения. Система здесь — сама православная жизнь как путь движения к горнему миру, как путь запечатления теснейшей связи святой Церкви с реальностью земной, как вхождение святого Православия в организм многовековой истории, оказывающее благодатное воздействие на многие стороны человеческого бытия.

Обращают на себя внимание уже первые страницы диссертации (6—13), где помещен доклад «Благовещение и история человечества» (Межправославная конференция. Назарет. Март 1999 г.). В нем убедительно, логично — я бы сказал еще: красиво — изображена история домостроительства нашего спасения и пути христианского свидетельства от дня Архангельского гласа до конечной цели — свершения мира. Примечателен здесь дух люб-

ви к Отечеству и сыновнего отношения к родной Церкви. «Российская империя, — утверждает отец Валентин, — принципиально отличалась от западных колониальных империй. Она органически росла из своего исторического ядра, никогда не стремилась к приобретению заморских территорий и по большей части включала в свой состав те страны и народы, которые сами того хотели. В духе терпимости, не прибегая к насилию, совершала Русская Церковь свое миссионерское служение» (с. 12).

Тот же дух любви просматривается и в статье «Седьмой Вселенский собор 787 г. и власть Императора в Церкви» (с. 45—71). «Если не будет призван к зиждательному служению тот, кто определен для этого Богом, — утверждает автор, — придется окончательно оставить высокотождественный византийско-московско-петроградский собор и разбрестись по разным храминам... Конечно, — совершенно справедливо заключает диссертант, — все доброе не от нас, но Божий дар. А дары даются не равнодушным, а просящим. Чтобы просить, нужно понимать, чего ты просишь. Нужно приникать к источникам нашей истории и не судить о ней по легкомысленным наветам историков-публицистов двух последних веков» (с. 71). Несомненно, что обзор соборных деяний, к тому же с дополнительным свидетельством, что догмат почитания св. икон «объясняли аналогией с почестями, воздававшимися императорским изображениям» (с. 69), весьма полезен студенческой аудитории в нашей Духовной школе.

В тесной связи с рассмотренной статьей стоит доклад на тему: «Святитель Григорий и императорская власть» (с. 72—80). Святитель, как один из величайших завершителей византийской традиции, предстает наследником и утвердителем христианских воззрений на Римскую империю. Всего на восьми страницах автор обстоятельно выявляет богословское восприятие святителем Григорием императорской власти, указывает место, занимаемое Императором в церковной жизни, и его реальное значение для Церкви. «Ты, — цитирует автор слова святителя Григория, — поставил их (императоров — К. С.) защитниками Церкви, покрови-

телями Твоего наследия, хранителями нашей веры в Тебя» (с. 77).

Достоинство представлен и святитель Русской Православной Церкви — митрополит Московский Филарет, со служением которого соединяется самоопределение русского богословия — его становление с творческим преодолением веяний запада (см. с. 104—118). Для меня, как преподавателя катехизиса, было приятно, что отец Валентин, характеризуя это творение святителя Филарета, не преминул напомнить слова прот. Александра Горского: Катехизис служит «учебной книгой Церкви, соединяя с глубиной и строгостью богословия простоту и доступность для всех» (с. 115—116).

Чувство радости и душевного удовлетворения приносит читателю статья «Место Московской Духовной Академии в истории русской культуры» (с. 119—151). На сравнительно небольшом количестве страниц автор сказал много добрых ценных слов в адрес *alma mater* — во всей широте показал ее огромный вклад в науки гуманитарные, естественные, в литературу, особенно в историю.

Пастырским теплом веет и согревает сердце статья: «Святой священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский» (с. 152—163). Кто может быть равнодушен, например, к таким словам автора: «XX век — век величайших страданий России и ее высочайшей славы!» (с. 152). «Любя Церковь Православную, святитель (Иларион. — К. С.) звал ее чад, и в первую очередь духовенство, на подвиг, сурово обличая нерадение!» (с. 161).

Думаю, что у мыслителей вызовет интерес теория «триединого процесса», изложенная отцом Валентином в статье: «Социологические воззрения Константина Николаевича Леонтьева» (с. 164—173). «Согласно теории Леонтьева, — пишет он, — каждое общество, подобно отдельному организму, проходит три стадии существования» (с. 164). Глубоко назидательно здесь суждение автора о счастье. «Счастливы могут быть нищий в лачуге,

и глубочайшие страдания могут таиться под царской порфирой» (с. 166).

Полагаю, что не меньший отклик вызовет у философов и доклад прот. В. Асмуса, посвященный раскрытию теократического проекта Владимира Соловьева («Теократический проект Владимира Соловьева и его эволюция». С. 174—185). Автор точно подмечает: «В нашем общественном сознании живет... несколько различных В. С. Соловьевых... — католик и «экуменист»... — славянский мессианист и русский монархист... — либерал, друг евреев и противник смертной казни террористов» (с. 176). И отсюда столь же точный вывод — «теократический проект вызывает неприязнь у всех» (с. 176).

Хотя свой труд об А. Ф. Лосеве отец Валентин скромно определил как «предварительные заметки» («Триадология Лосева и патристика: предварительные заметки». С. 186—192), тем не менее в этих «заметках» он показывает важнейшее: философская система Лосева наполнена христианским вероучением — стремлением «выразить основные интуиции православного христианства» (с. 191).

Особый интерес вызывает также доклад на тему: «Святоотеческое наследие и современная церковная жизнь», прочитанный автором на богословской конференции Русской Православной Церкви «Православное богословие на пороге третьего тысячелетия» (Москва, 7—9 февраля 2000 г.) (в диссертации с. 193—202). Верность святоотеческому наследию — «важный критерий полноты церковной жизни» (с. 193) — вот лейтмотив доклада. Наряду с другими проблемами, подлежащими исследованию, автор своевременно заявляет: «Нужно уделить особое внимание поздневизантийским отцам, а также латинской и ориентальной патристике: все это недостаточно полно исследовано в дореволюционной науке» (с. 199). Мне хотелось бы к этому добавить: не меньшее внимание необходимо было бы уделить и позднейшим св. отцам Русской Православной Церкви.

В докладах на темы: «Уния» (с. 203—211), «Консерватизм и

модернизм» (с. 225—233), невзирая на то, что в них затронуты проблемы, вызывающие боль в церковном организме, разрешаются они взвешенно, объективно, со свойственным автору академическим спокойствием и уверенностью.

Вполне оправданно основной текст сборника трудов отца Валентина заключается статьей о научном подвиге аббата Миня («„Патрология“ Миня». С. 234—241). Сам аббат без «ложной скромности» называл свою работу «более полезной для Церкви, чем многие ученые» издания (с. 240). Минь подвел определенный итог сделанному до него, суммировав труды ученых нескольких поколений, а отец Валентин, рассказав нам о создании «Патрологии», подвел итог сделанному им самим. <...>

Скажу немного об определенных недочетах диссертации. В сборнике по существу отсутствуют как введение, так и заключение. Имеющееся предисловие слишком лаконично. Не совсем понятна и излишняя решительность автора, с которой он обвиняет патриарха Кирилла Лукариса в протестантизме. «Кирилл Лукарис, — заявляет он, — выпустил в Женеве „Исповедание веры“ в протестантском духе» (с. 194). На каких новых данных основано это заявление? Не лучше ли было бы сказать, что в Женеве было выпущено «Исповедание веры» под именем патриарха Кирилла?! Или: которое усваивается данному иерарху?! К такому пожеланию приводят и суждения автора, изложенные раньше, — в первой половине диссертации. Так, на с. 88 он пишет, что архиепископ Василий (Кривошеин) утверждает: «Исповедание издано анонимно». Но на следующей же странице (даже в следующем абзаце) диссертант со ссылкой на того же архиепископа заявляет: «В настоящее время можно считать доказанным, что Кирилл все-таки автор инкриминируемого текста». А сам патриарх Кирилл признавал ли это «Исповедание» как принадлежащее ему?

И еще (в связи с тем же контекстом) вопрос, существуют ли бесспорные свидетельства, что «Православное исповедание веры» святителя Петра Могилы являлось ответом на «Исповедание» пат-

риарха Кирилла? (В диссертации читаем: «Счел нужным ответить на „Исповедание“ Петр Могила». С. 89).

Приходится сожалеть, что автор при раскрытии богословия святителя Московского Филарета (Дроздова) лишь мельком заметил, что московский митрополит «не согласен с книгой еп. Игнатия (Брянчанинова) против Фомы Кемпийского» (с. 115). А ведь эта тема продолжает оставаться весьма актуальной.

Но это лишь те немногие недочеты, которые тонут и исчезают в глубинах неоспоримых достоинств диссертации.

Читателя увлекает высота мыслей автора и умение красиво и достойно их выразить. Решение многих вопросов предваряется экскурсами в историческое прошлое. Они убедительно свидетельствуют о широте познаний диссертанта. Замечательно здесь еще то, что начитанность автора полностью отвечает силам и возможностям его творческого синтеза.

Короче, в рассматриваемой диссертации видим разностороннего писателя: и современного патролога, и смелого апологета истин святой веры, и мудрого философа, и глубокого историка и экзегета, и красноречивого социолога, и кропотливого лингвиста, а главное и прежде всего — православного богослова, верного хранителя и свидетеля святоотеческого предания.

Небезынтересно и то, что автор в ряде своих статей употребляет старую орфографию русского языка — ту самую, которую усердно разрушали строители «нового мира». Восстановление старой орфографии в современных исследованиях — явление уникальное.

Безусловно, протоиерей Валентин Асмус за поданную им диссертацию заслуживает присуждения ученой степени кандидата богословия — по меньшей мере, а по иной мере — магистра богословия.

1.2. ОТЗЫВ профессора А. И. СИДОРОВА на кандидатскую диссертацию преподавателя Московской Духовной Академии протоиерея Валентина АСМУСА по кафедре Общей цер-

ковной истории на тему: «Православие, государственность, культура».

Представленный в качестве кандидатской диссертации труд отца Валентина являет собой сборник его статей как опубликованных, так и еще не увидевших свет в периодической печати. Прежде всего в этом труде поражает обширнейшая эрудиция автора. Диапазон его интересов простирается и на византологию, и на патристику, и на историю русской философской и богословской мысли, и на проблемы, связанные с современным католицизмом. Безусловно, в центре внимания всех статей отца Валентина находится проблема взаимоотношений Церкви и государства в различные периоды их совместного бытия в земной истории, поэтому общее название диссертации, по моему мнению, вполне обоснованно. Данный труд показывает, что отец Валентин обладает несомненным даром «научного эссеиста»: его стиль ясен и прозрачен, мысль отчетлива, и ему удается в небольших размерах отдельных эссе очертить контуры того или иного вопроса, представив при этом вполне законченное целое. Конечно, работа, выполненная в указанном жанре научного и богословского эссе, не предполагает глубинного проникновения в отдельные проблемы, но она как бы подготавливает почву для подобного проникновения и всестороннего рассмотрения этих проблем в дальнейших исследованиях. Следует отметить, что в своих статьях отец Валентин высказывает, на мой взгляд, ряд весьма плодотворных точек зрения. Так, например, касаясь известной проблемы симфонии Церкви и государства в эпоху Юстиниана, он подчеркивает, что речь здесь идет не об их взаимоотношении в современном понимании, но о священстве и царстве, представляющих собою два нерасторжимых аспекта единого целого. Весьма взвешенным представляется мне и подход автора к миросозерцанию столь пререкаемой личности, как Петр Могила: здесь отчетливо показывается, что в столь сложную эпоху, каковым несомненно являлся XVII в., этот святитель сумел сделать максимум возможного для того, чтобы Православие в оче-

редной раз смогло пройти средним царским путем, избегая крайностей как протестантизма, так и католичества.

В то же время хотелось бы сделать несколько замечаний. Так, на с. 8 говорится, что «Церковь приняла „всемирную“ империю как политическую реальность и как политическую идеологию». Я бы так откорректировал данное суждение: Церковь не только и не столько приняла империю, сколько преобразила ее. Далее, я не стал бы употреблять такой термин, как «подлинный христианский гуманизм», в противопоставлении его «лже-гуманизму» Нового времени (с. 12), ибо уже само понятие «гуманизм» с православной точки зрения имеет столь устойчивый комплекс негативных ассоциаций, что, на мой взгляд, за него нет смысла сражаться.

На с. 27—28 приведен краткий очерк системы Оригена. На мой взгляд, он мало соответствует воззрениям самого этого мыслителя, в большей степени отражая воззрения позднейших его последователей. Другими словами, необходимо было бы разграничить мировоззрение Оригена и оригенизма, ибо они совсем не являются тождественными. Также следует внести некоторые коррективы в суждение «Христология Нестория и его друзей была последовательно дуалистической: не только две φύσεις, но также две ὑποστάσεις и πρόσωπα. И эта терминология адекватно выражала богословие той школы, к которой принадлежал Несторий» (с. 29). Во-первых, известен тот факт, что в своих христологических воззрениях Несторий часто был уклончив и двусмыслен, а поэтому его христологию вряд ли можно назвать «последовательно дуалистической». Во-вторых, Несторий, как это обычно считается, был представителем Антиохийской школы, к которой принадлежали и блж. Феодорит Кирский, и св. Иоанн Златоуст. Именно последние, по моему мнению, «адекватно выражали богословие» этой школы, а не Несторий (и, отчасти, Феодор Мопсуестийский), который лишь сделал крайние выводы из некоторых богословских посылок предшествующих антиохийцев, доведя их до абсурда ереси. Еще мне представляется далекой от истины характеристика богословия таких православных писателей VI в., как Леонтий Ви-

зантыйский и Иоанн Грамматик Кесарийский, в качестве «рационально-схоластических упражнений» (с. 34). В подобных же «схоластических упражнениях» подвизались и такие святые отцы позднейшего времени, как прп. Максим Исповедник, прп. Анастасий Синаит и прп. Иоанн Дамаскин, опирающиеся во многом (как и император Юстиниан) на «двух Леонтиев» и прочих богословов VI в. Poleмика с монофизитами и несторианами вынуждала православных богословов той эпохи заниматься подобными «логическими задачами», ибо требовались точные определения основных богословских понятий. Но решение этих задач, столь насущных для Православия VI—VII вв., совсем не тождественно «схоластическим упражнениям».

Наконец, хотелось бы отметить, что я не согласен с оценкой отцом Валентином мирозозерцания А. Ф. Лосева. Покойного Алексея Федоровича я немного лично знал и всегда восхищался им. Не перестаю восхищаться и до сих пор, ибо то был удивительнейший человек, мыслитель, которому в России советского периода не было равных. Но сказать, что «Лосев хочет быть выразителем именно православного Предания» (с. 186), значит, на мой взгляд, совершенно исказить истину. Алексей Федорович и в личной жизни, и в своих книгах всегда оставался типичным неоплатоником (подвергавшимся, естественно, и воздействию новейших философских течений). Если он и сохранял какие-то «реликты» церковности, то они прятались им столь глубоко, что, как говорится, «без микроскопа их отыскать было невозможно». При всем величии и гениальности своей личности он оставлял у меня всегда впечатление насмерть напуганного человека, который панически боялся всего, связанного с Православием. Лишь перед самой кончиной А. Ф. Лосева и после нее я вдруг с удивлением стал встречать высказывания о нем как о православном монахе и вообще чуть ли не мученике веры. Понятно, что Православие тогда «стало входить в моду» и принадлежать к православной Церкви перестало быть опасным, но нельзя же так бесцеремонно уравнивать тех, кто действительно были свидетелями Христовыми, и Алексея Федоро-

вича, который занял (после краткого пребывания в лагере) удобную и безопасную позицию «игрока в бисер». Достаточно прочесть многотомную «Историю античной эстетики» (которая, безусловно, монументальна и чрезвычайно талантлива), чтобы понять, что автор здесь даже и не пытается как-то распространить (посредством «эзопова языка») церковные и православные воззрения. И считать, что «Лосев стремился в своем философском творчестве выразить основные интуиции православного христианства» (с. 191) явно некорректно. Если А. Ф. Лосев и выражал какие-либо свои сокровенные интуиции, то это были, скорее, «интуиции внеправославные».

Впрочем, приведенные замечания отнюдь не умаляют многих достоинств труда отца Валентина. Вне всякого сомнения, он заслуживает искомой степени кандидата богословия. Я бы сказал более того: его труд намного превосходит по своему, так сказать, «калибру мышления» обычные кандидатские диссертации.

2.1. ОТЗЫВ профессора А. И. ОСИПОВА на кандидатскую диссертацию студента IV-го курса Академии священника Димитрия ДВОРНИКОВА по кафедре Западных исповеданий на тему: «Диалектическая теология Карла Барта».

1. Общие сведения о работе.

Сочинение объемом в 147 страниц имеет обычную для такого рода работ структуру; введение, основную часть (семь глав), заключение и библиографию наиболее значимых трудов К. Барта (28 наименований на немецком языке) со списком использованной литературы на немецком и русском языках (100 наименований). Кроме того, в сочинении имеется хронологическая таблица с указанием основных этапов жизни К. Барта и приложение, состоящее из трех частей.

Во введении излагается краткая история возникновения диалектической теологии, другие ее названия (бартианство, теология кризиса, теология диастазы, иренийская теология) с объяснением при-

чин этой многоименности. Отмечается и то, что она остается до настоящего времени «непознанной землей» для православного богословия» (с. 11).

В главе первой, «Протестантская теология от Лютера к неопротестантизму», обращается внимание на два основных, по мнению автора, принципа лютеровской теологии: евангеличность ее и отсутствие необходимости каких-либо посредств и посредников в отношении верующего с Богом. Показывается противоречивость взглядов Лютера на роль разума в познании истин Откровения. Рисуется картина борьбы пиетистов с догматистами XVII века, возникновения рационализма в XVIII-м и развития либеральной теологии, или неопротестантизма, в XIX веке.

Глава вторая, «Предпосылки возникновения протестантской неортодоксии», повествует о кризисе протестантской теологии в начале XX века. Указывается обусловленность этого кризиса общеевропейским кризисом культуры и теологической борьбой внутри Германии. Однако основной причиной явился провал человекобожия либеральной теологии перед лицом ужасов первой мировой войны.

Третья глава, «Основные принципы диалектической теологии К. Барта», раскрывает главную идею его теологии: противоположность Божественного и человеческого, вечного и временного, бессмысленность человека, «освобожденного» от Бога, ничтожество человека и всего тварного. Указывается, что истинная религия, по Барту — *Soli Deo Gloria*.

Четвертая глава, «Умозрительный характер догматики К. Барта», излагает его христологию в аспекте сотериологическом.

Глава пятая, «Особенности вероучительной доктрины К. Барта», посвящена бартианскому учению о примирении и сравнению его, главным образом, с учением Ансельма Кентерберийского.

В главе шестой, «Особенности концепции государства в теологии К. Барта», отмечены основные идеи К. Барта по указанному вопросу: община (т. е. церковь) не должна быть аполитичной; в то же время, не может быть христианского государства, христи-

анской политики, христианской партии и т. д.; смысл человеческого существования заключается не в построении Царства Божия на земле...

Седьмая глава, «Особенности этической концепции в теологии К. Барта», посвящена, в основном, раскрытию «религиозного парадокса» о «совершенной невозможности» для человека выполнить волю Божию и в то же время о необходимости ее исполнения.

В «Заключении» дана общая оценка теологии Барта.

Приложение содержит в себе три части. Две работы Барта: 1. Христос и Адам. 2. Христианская община и гражданская община. И обзор «Церковной догматики» К. Барта (план-схема).

2. Оценка сочинения.

Колоссальный объем наследия К. Барта (553 книги и статьи) и очень трудный язык в значительной степени обусловили характер, план и содержание представленной диссертации. Священник Димитрий вынужден был ограничиться рассмотрением лишь сравнительно небольшой, но емкой и заключающей в себе все основные идеи теологии Барта работы — «Послания к Римлянам». Представленная диссертация охватывает наиболее важные и специфические для Барта вопросы, и раскрытие их дается, как правило, на хорошем уровне.

Экскурсы в историю протестантизма с указанием этапов его развития и специфики каждого из них; выявление причин возникновения и характеристика тех или иных новых явлений в протестантском богословии; обсуждение существа полемики между представителями разных школ; изложение истории возникновения и особенностей эволюции теологии Барта; православная оценка многих важных идей диалектической теологии, — все это составляет положительный багаж диссертации и одновременно свидетельствует о большой и серьезной работе автора.

Обогащают восприятие диссертации краткие справки в подстрочных примечаниях об упоминаемых лицах.

Тем не менее, к диссертации имеется и ряд замечаний.

Во введении теология Барта называется «религиозно-фило-

софской доктриной» (с. 7), далее «бартианство вскоре стало господствующей философией протестантизма» (с. 8). Эти утверждения вызывают сомнение. Да и сам автор на с. 112 отмечает, что «Барт смог вообще отказаться от всякой философской системы».

Содержание глав второй («Предпосылки возникновения протестантской неоортодоксии») и четвертой («Умозрительный характер догматики К. Барта») не вполне соответствует их названиям. Вторая глава больше говорит о самой теологии Барта, нежели об ее «предпосылках», а четвертая фактически полностью посвящена христологии Барта.

На протяжении всей третьей главы постоянно повторяется, хотя и в разных вариантах, одна и та же мысль. В главе четвертой излишне большое внимание уделяется проблеме времени в теологии Барта.

Далеко не всегда дана православная оценка идеям Барта (напр., с. 51, 54, 58).

Проблемы социальной этики автор сводит, по существу, к вопросу отношений Церкви и государства (см. с. 101).

Без каких-либо пояснений говорится о Новотюбингенской школе (с. 18), без упоминания автора указывается сочинение Кьеркегора «Или-или» (с. 30), нередко приводятся без перевода латинские и немецкие слова и фразы (напр., с. 37, 39, 50, 51, 55, 56, 105).

Ряд мыслей автора требуют объяснения. Например:

«Сказанное относится к Ансельму Кентерберийскому и прочим реформаторам...» (с. 63);

«Отличительной чертой диалектической теологии — более чем всякой другой — является ее постижение «Идеи Бога» (с. 34);

«Наивно выглядит и попытка Барта представить христианскую политику как действия отдельных христиан, могущих преобразить мир, действуя по наитию совести и по Евангелию». И «корнем этой мысли является... постулат протестантизма: *Sola Scriptura* и *Sola fide*» (с. 107).

Очень любопытно звучит следующее предостережение автора: «Православный читатель должен иметь в виду, что, принимая какую-то мысль Барта, кажущуюся вполне православной, он принимает чисто протестантскую мысль, выраженную завуалированно...» (с. 107).

Заметна большая зависимость языка диссертации от использованной литературы.

Тем не менее, в целом представленная работа может быть оценена положительно.

2.2. ОТЗЫВ доцента Н. К. ГАВРЮШИНА на кандидатскую диссертацию студента IV-го курса Академии священника Дмитрия ДВОРНИКОВА по кафедре Истории западных исповеданий на тему: «Диалектическая теология Карла Барта».

Виднейшему протестантскому богослову XX века Карлу Барту в России по разным причинам вообще уделяли не слишком много внимания, а в духовно-академической среде у автора диссертации есть, по-видимому, только один предшественник — игумен Александр (Лехно), работа которого была написана без малого сорок лет назад.

В диссертации о. Дмитрия Дворникова семь глав, традиционно обрамленных введением и заключением, несколько необычно выдвинута на первый план хронологическая таблица Бартова жития, три внушительных по объему приложения (содержательное назначение которых рецензенту осталось не вполне понятным), избранная библиография трудов К. Барта и список использованной литературы.

Две первые главы посвящены протестантскому богословию до Барта, причем вторая почти полностью — Кьеркегору. Третья глава, очевидно, должна была раскрыть специфику богословского метода К. Барта, который, как можно заключить, характеризуется главным образом борьбой религиозного психологизма (в духе

Кьеркегора) с религиозным историзмом. Глава IV носит несколько странное название: «Умозрительный характер догматики Карла Барта». Поскольку догматика всегда есть особая форма умозрения, читатель вынужден недоумевать, что именно имел в виду автор. Рискну предположить, что таким путем он пытается отделить метафизические предпосылки, следствия и коннотации догматических построений протестантского богослова.

Наибольший интерес представляет пятая глава исследования, в которой автор подробнейшим образом старается показать, каким образом в бартовской концепции примирения удастся непротиворечиво соединить «объективистское» учение об искуплении Ансельма Кентерберийского и «субъективистское» Пьера Абеляра. Здесь, правда, несколько режет слух фраза: «Сказанное относится к Ансельму Кентерберийскому и прочим реформаторам...» (с. 63). И дело не только в том, что Ансельм безоговорочно записывается в протестантские богословы. Суть Ансельмовой богословской реформы (если таковая действительно имела место) можно было бы понять только на фоне внятного изложения предшествовавшей традиции. Иными словами, святоотеческий контекст здесь был бы весьма кстати.

В шестой главе речь идет о социальных воззрениях Барта, которые, с точки зрения автора, довольно привлекательны «с православной точки зрения» (с. 100). Поскольку последняя излагается тут же словами свящ. М. Козлова, какого-либо простора для дискуссии не остается...

Этическая концепция Барта, рассмотренная в последней, седьмой главе, «так же привлекательна с православной точки зрения» (с. 106), но автор тут же дает понять, что «Барт часто рассуждает по-протестантски», и «православный читатель должен всегда иметь в виду, что принимая какую-то мысль Барта, кажущуюся вполне православной, он принимает чисто протестантскую мысль, выраженную завуалированно...» (с. 107).

Из мелких замечаний: на с. 123 я предложил бы вместо «С евангельской стороны...» читать: «С евангелической стороны...».

Подводя итог, мы можем констатировать, что автором проделана достаточно большая работа по изучению богословского наследия К. Барта (после приснопамятного профессора М. А. Старокадомского мало кто в МДА читал его труды на языке оригинала). При этом, воздав должное швейцарскому мыслителю, он сохранил непоколебимо верность Православию.

Для меня, правда, осталось невыясненной загадкой, чьей рукой написан «Обзор «Церковной догматики» Карла Барта» (с. 128—138), но как бы она ни разрешилась, работу можно оценить положительно и присудить автору искомую степень кандидата богословия.

3.1. ОТЗЫВ профессора Н. К. ГАВРЮШИНА на кандидатскую диссертацию студента IV курса Академии священника Александра ЗАДОРНОВА по кафедре Истории русской религиозной мысли на тему «Религиозно-философские взгляды А. Ф. Лосева».

Автор рассматриваемой диссертации священник Александр Задорнов еще будучи студентом первых курсов МДА дважды выступал в «Богословском вестнике» с пространными статьями, которые отличались серьезной эрудицией и основательностью подхода к проблеме. В качестве темы своей кандидатской диссертации он избрал религиозно-философские взгляды А. Ф. Лосева — крупнейшего русского мыслителя XX века.

Заведомо было ясно, что охватить все колоссальное наследие этого философа в работе подобного жанра невозможно, и автору предстояло сосредоточиться всего лишь на некоторых, с его точки зрения наиболее важных, показательных или мало разработанных аспектах.

Однако в связи с Лосевым и по поводу затронутых в его сочинениях тем и образов у автора как вдумчивого самостоятельного исследователя не раз возникали искушения погрузиться в специальные экскурсы, гипотетические разработки, полемические от-

ступления, которые, нередко имея самостоятельное значение, придают тексту диссертации достаточно неоднородную, «романтическую» форму.

Собственно, с афоризма Новалиса она и начинается, хотя то, что далее написано по поводу романтизма (с. 101—102), больше похоже на скороговорку. Она усложнена термином, которого в русских текстах я никогда прежде не встречал, — «путрефакция» (с. 102) — и испытываю затруднения с его осмыслением. По-французски *putrefaction* — разложение, тление, гниение; но как тогда понимать фразу: «Проза Лосева, как нам кажется — это своеобразная литературная путрефакция, стремление освободиться от навязчивых тем и образов» (с. 102). Может быть, автор имел в виду «пурификацию» (*purification*) — очищение, но это уже моя дерзновенная конъектура...

Я все же думаю, что основную проблему в отношениях Лосева с романтизмом автор почувствовал совершенно верно, но ему не удалось вполне выразить ее «на языке родных осин». Скажу даже больше: на мой взгляд, Лосев унаследовал у Флоренского некоторую неискренность в оценке этого явления, которому оба они были в равной мере обязаны... Овидиево *odi et amo* было бы здесь очень уместно...

Впрочем, это только лишь частность. А вот на с. 6 есть утверждение значительно более фундаментального и обязывающего характера: «Лосев есть первый и пока, увы, последний профессиональный европейский русский философ». Это уже очень напоминает позицию «европейского философа» г-на Евгения Барабанова, озвученную лет десять назад в «Вопросах философии» и усиленно поддерживаемую г-ном Свидерским из Швейцарии.

Позволю себе из личных впечатлений заметить, что когда несколько лет назад в Голландии последний (Свидерский) отстаивал в разговоре со мной подобные убеждения (Лосева, правда, к «профессиональным философам» он тоже тогда не отнес), то участвовавший в беседе профессор А. Валицкий (США), крупнейший на Западе специалист по истории русской философии и, надо

сказать, как поляк и католик, отнюдь не русофил, был откровенно возмущен и решительно отделал своего швейцарского коллегу...

Здесь не место пускаться в полемику о русской философской традиции и самом понятии философского профессионализма, но то, что как раз в творческом деле Лосева идеолог нередко попирает и подменял философа, это безусловный факт, который вполне известен и автору рассматриваемой работы.

В так называемом «первом восьмикнижии» Лосева тому немало свидетельств. Автор затрагивает их в первой главе «Рецепция мировой философии в мировоззрении Лосева». Только внешние атрибуты «философского дискурса» и отсутствие всякого диалектического чутья характеризуют «Диалектику художественной формы». «Музыку как предмет логики» после «Философии искусства» Шеллинга читать немыслимо. «Философия имени» — это не философия, а квазидиалектическая идеологизированная схоластика, полная сектантского и политического фрондерства... «Критика платонизма у Аристотеля», «Очерки античного символизма и мифологии» — это уже несравненно глубже и основательнее, хотя, опять же, не без изрядной идеологической предвзятости...

Мне кажется, что и сам автор работы нередко склоняется к такому же мнению. Вот пример: «Имяславческие его (т. е. Лосева — Н. Г.) штудии — типичные упражнения филолога и просто логика, но никак не богослова» (с. 24). Я бы только добавил здесь: «и не философа»...

Философски и богословски значима вторая глава диссертации «Две категории философии Лосева: миф и имя». В ней автор демонстрирует точность анализа, богословскую трезвость, пронизательность. Но лосевская «диалектика мифа» на фоне подробно пересказываемых и зачастую отнюдь не философских теорий несколько меркнет. Хотелось бы и тезис о близости установок Лосева и М. Элиаде (с. 39) увидеть обоснованным более развернуто.

Третья глава — «Лосевская интерпретация античности», учитывая большое количество страниц, набранных мелким шрифтом

через один интервал, способна потянуть на небольшую брошюру. Лосев стал, можно сказать, удачным предлогом, чтобы высказаться и по поводу Ницше, и Вл. Соловьева, и Флоренского. Позиции автора работы близки и рецензенту, но если буквально принимать название раздела, тема далеко еще не исчерпана.

Глава четвертая действительно очень конспективна, к тому же ярко обнаруживает непрофессионализм наборщика (в других местах он тоже постоянно бросается в глаза: например, вместо тире везде стоят дефисы). Вывод о том, что Лосев неоплатоник, трудно оспаривать, но именно здесь очень кстати было бы напомнить, что он неоплатоник — анафематствовавший платонизм, и в связи с этим попытаться разобраться в амбивалентности его установок.

Пятая глава привлекает своеобразным набором французских цитат (уж лучше поставить надстрочные знаки от руки, нежели изобретать отсебятину) и дерзновенной попыткой связать литературные образы лосевской прозы с оккультной «черной романтикой». Параллели, конечно, есть, но они не столь очевидны; так ведь и дедушку Крылова с его басней «Мартышка и очки» можно занести в оккультисты... Из текстов самого Лосева никак не следует, что он читал, например, Майринка; сам он признается только в симпатиях к Э. Т. А. Гофману, Эдгару По и Герберту Уэллсу (с. 96). Финал пятой главы представляет яркое свидетельство зависимости Лосева от Флоренского, и обоих — от Шпенглера.

Название шестой главы кажется мне неудачным стилистически. Материал же ее звучит достаточно свежо, во всяком случае, для рецензента. Одно только высказывание «русского православного философа» о своем народе, как о «многомиллионном стаде баранов» (с. 116) — говорит о многом... Нескрываемое презрение к народу единит идеолога «имяславия» с братками-приватизаторами...

Глава седьмая не вполне отвечает своему названию. Мне кажется, точнее было бы избрать заголовок «А. Ф. Лосев и Вл. Соловьев».

Приложения, как мне кажется, верстались на скорую руку, может быть, «для объема», хотя в этом не было никакой нужды. <...>

Изложенные выше замечания никак не могут сказаться на общей оценке работы. Перед нами труд самостоятельно мыслящего, философски и богословски прекрасно подкованного автора, и содержит он действительно его собственные мысли, а не компиляторские усилия, за которые часто присваивают ученые степени.

По уровню своей подготовки автор вполне мог бы претендовать и на степень кандидата философских наук, но для этого надо было бы сузить работу и, разумеется, представить ее в другой ученый совет.

Священник Александр Задорнов вне всякого сомнения заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата богословия. Я полагаю также, что он мог бы стать ярким преподавателем духовных школ по достаточно широкому спектру философско-богословских дисциплин, и если администрация предложит ему выступить с лекцией *pro venia legendi*, она, как мне кажется, сделает самоочевидный и необходимый шаг.

3.2. ОТЗЫВ преподавателя монаха АМФИЛОХИЯ (Воронкова) на кандидатскую диссертацию студента IV курса Академии священника Александра ЗАДОРНОВА по кафедре Истории русской религиозной мысли на тему: «Религиозно-философские взгляды А. Ф. Лосева».

Диссертация свящ. Александра Задорнова посвящена мировоззрению одного из крупнейших русских религиозных мыслителей ушедшего столетия. Она состоит из предисловия, введения, восьми глав и приложения (из трех подразделов), а также библиографии (202 названия).

Свою основную задачу автор видит в том, чтобы разобраться, на основании каких источников осуществлялось формирование взглядов автора «Диалектики мифа», что поспособствовало изве-

стной «мифологизации» самого Лосева, каким образом возможно отделить от «плевел» подлинное содержание его наследия.

Нужно сказать, что о Лосеве за последнее только десятилетие написано уже немало, и автор диссертации не только достаточно уверенно ориентируется в литературе по этому вопросу, но и решительно отстаивает собственное видение предмета, на первой же странице введения вступая в полемику с С. С. Хоружим.

В первой главе, посвященной рецепции мировой философии в мировоззрении Лосева (где автором предложена и периодизация его творчества), отдав дань Гегелю, Гуссерлю и марбургской школе неокантианства, свящ. А. Задорнов основное внимание уделяет о. Павлу Флоренскому. Он оказал бесспорное влияние на Лосева, хотя «сам настрой мировоззрения Флоренского» ему «был чужд» (с. 21).

Вторая глава сосредоточена на двух взаимосвязанных мотивах творчества молодого Лосева — «философии имени» и «диалектике мифа». Она принципиально важна не только в теоретическом, но и церковно-историческом отношении. «Имяславие» Лосева, как убедительно показывает автор, было своего рода смысловой опорой его политического и церковного фрондерства. Завершение первого абзаца на с. 31 звучит несколько невнятно: если Лосев критикует «даниловскую» группу «непоминающих», то к какой тогда относит сам себя? Критика в адрес имяславческих установок В. М. Лурье и С. С. Хоружего (с. 29—30) выглядит довольно убедительной, но сближение «диалектики мифа» Лосева с позициями М. Элиаде (с. 38) нуждается в более развернутом обосновании. Глава третья, «Лосевская интерпретация античности», — весьма пространный текст (свыше сорока страниц!), причем самому Лосеву уделено в ней не так много внимания. Здесь и хорошо ему знакомые предшественники (Ницше, Вячеслав Иванов) и о. Павел Флоренский, а также Гуссерль, Хайдеггер, Витгенштейн, Делез. Заданная автором тема едва мерцает в необъятной и многомерной панораме его эрудиции.

Напротив, глава четвертая, «„Первое восьмикнижие“ в конс-

пективным изложением», более чем лаконична: несколько тысяч страниц «раннего» Лосева автор сжал до семи с половиной не особенно плотного текста, чтобы сделать бесхитрый вывод: «платонизм Лосева тождествен историческому платонизму...» (с. 88).

Пятая глава затрагивает тему параллелей между лосевской художественной прозой и оккультной книжностью средневековья и новейшего времени. В немалой степени она инспирирована материалами Е. Головина на сайте в Интернете; в целом эта тема пока настолько неразработана, что лучше ограничиться констатацией пионерского дерзновения автора.

Глава шестая, «Политнекорректность как стиль мысли», основана на сравнительно новых архивных публикациях, связанных с арестом Лосева и его антибольшевистскими высказываниями конца 20-х гг. Они вызвали дискуссию в периодической печати, которую автор пытается подытожить, стилистически связывая социальную публицистику Лосева с сочинениями Габриэле д'Аннунцио и Хайдеггера.

Седьмая глава затрагивает отношение Лосева к философии математики, аритмологии, что на фоне его пифагорейско-платонических интересов и общения с о. Павлом Флоренским вполне естественно. Автор, однако, хочет еще ввести эту тему в «общий математический контекст на пороге 3 миллениума» (с. 120), опираясь на популяризаторскую работу М. Вербитского, опубликованную в Интернете. Без специальной подготовки в этой теме разобраться непросто, но остается все же ощущение, что сам Лосев несколько теряется из виду за Кантором, Поппером, Куном, Геноном, Бруно, Декартом и тем же неустранимым о. Павлом Флоренским.

«Место Лосева в истории русской мысли» (гл. 8) рассмотрено на шести страницах, но в них, как кажется, речь больше идет о Вл. Соловьеве, которым А. Ф. Лосев увлекался в молодости и книгой о котором по существу завершил свой долгий творческий путь. Этой книгой, по мнению автора, Лосев «не просто поставил себя в ряд русской мысли — он и был постоянно в этом

ряду — но и дал нам уникальную возможность свободы» (с. 140).<...>

Диссертационное исследование священника Александра Задорнова написано хорошим философским языком, отражает его свободное владение темой, весьма обширную эрудицию. Тема, конечно, далеко им не исчерпана, в ряде случаев трактована не вполне пропорционально и достаточно субъективно, но зато с искренней заинтересованностью.

Полагаю, что диссертация вполне отвечает требованиям, предъявляемым к подобным работам, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата богословия.

4.1. ОТЗЫВ преподавателя иеродиакона КИПРИАНА (Яценко) на кандидатскую диссертацию студента IV-го курса Академии экстерната священника Димитрия КРАВЧЕНКО по кафедре Православной педагогики на тему: «Классические педагогические системы Руссо, Гербарта и Фребеля в свете православной педагогики».

Предложенная к защите диссертационная работа посвящена, главным образом, детальному анализу наиболее известных педагогических систем с точки зрения православной педагогики.

Многолетнее историческое исследование охватывает огромный объем материала первоисточников классиков педагогики и обширной богословско-педагогической литературы, который обильно цитируется на страницах диссертации. В приложении имеется не только правильно составленная библиография, но и более тысячи ссылок на источники и примечаний.

К достоинствам данного диссертационного исследования следует отнести:

1. Впервые самые известные педагогические зарубежные системы стали предметом анализа с позиций православной педагогики.

2. Дан зрелый и самостоятельный обзор богословских и антро-

пологических оснований православной педагогики — как прикладной богословской области, описывающий систему взаимодействия педагога, ребенка и благодати Божией, ведущей всех участников педагогического процесса ко Христу.

3. Разработан критериальный аппарат для проведения сравнительного анализа разнонаправленных педагогических систем: вера в Бога, отношение к Церкви, вечная жизнь, религиозное воспитание, цель и основные задачи педагогики, главные педагогические средства, ценности личности, добродетель, соотношение воспитания и обучения, общий характер обучения, профилируемые предметы, методика исследования, возрастная периодизация, главные качества педагога, дисциплина и наказание.

Сравнение педагогических систем по 18 концептуальным элементам представляет большой научный труд и предлагает богатую пользу для дальнейших исследований.

Обычно в истории педагогики принято сравнивать педагогические течения по 4—8 крупным элементам: цель и задачи, основное содержание, организационные формы и требования к участникам педагогического процесса.

4. Дается аргументированная и систематизированная критика односторонности педагогических, антропологических, психологических, философских и богословских взглядов Руссо, Гербарта и Фребеля. Подробно и корректно, со ссылками на первоисточники рассматриваются ошибочные постулаты и еретические взгляды, ущербные для личности ребенка. Достаточно детально выявлены истоки, основные логические построения и плоды деизма Руссо и Гербарта, а также пантеизма Фребеля.

5. Осуществлена превосходная попытка выявления в рассматриваемых педагогических учениях Руссо, Гербарта и Фребеля ценных для православной педагогики подходов, идей, наблюдений и обобщений обширного и глубокого педагогического опыта классиков. Например: учет возрастных и индивидуальных особенностей детей, возможности использования разнообразных методических приемов обучения и воспитания, требований к педагогу, родите-

лям, священнику, выполняющим роль эталона духовно-нравственной жизни.

6. Автор диссертационной работы проникся большой любовью и сочувствием к рассматриваемым педагогическим системам и специально рассматривает вопрос о возможности обогащения православной педагогики лучшим опытом классиков педагогики, а также задается вопросом о воцерковлении отошедших от Бога педагогических теорий и практик Руссо, Гербарта и Фребеля.

В заключение можно отметить ряд замечаний и пожеланий:

Третья глава диссертации называется «Институты воспитания ребенка», туда почему-то включены такие параграфы, как: «Индивидуальные особенности ребенка (темперамент, экстраверсия, интроверсия, половые различия)» (4) и «Феномен детской игры» (5).

С другой стороны, возникает вопрос, почему среди традиционных институтов воспитания (семья, Церковь, школа) совсем не упоминается государство? Ведь государственный институт со средствами массовой информации во многом определяет мировоззренческую парадигму воспитания.

Выводы по первой части работы оказались слишком расплывчатыми. Нечетко сформулированы фундаментальные позиции православной педагогики, с которых в последующих главах будет осуществляться критика.

В выводах содержится ряд неудачных и спорных выражений, например: «ребенок с рождения имеет падшую природу, которая склонна... к искаженным установкам и практике» (с. 60), «добродетели разделяются на аскетические, этические и религиозные» (с. 61). «Православная педагогика обладает тщательно разработанной методикой формирования основных добродетелей» (с. 195), «формирование любви к Богу» (лучше было бы использовать термины воспитание, становление, развитие) (с. 64). «Православная педагогика — это система взаимодействия педагога, ребенка и благодати Божией — ведет ребенка ко Христу». (Не только ребенка, но всех участников педагогического процесса.)

К сожалению, о. Димитрий не упомянул ни одного современного педагога, ни одной современной образовательной новации, питающихся идеями Руссо, Гербарта, Фребеля.

Диссертационная работа, безусловно, стала бы значительно более актуальной, если хотя бы бегло в ней было рассмотрено, например, такое влиятельное в современной России течение как «Педагогика сотрудничества», во многом опирающееся на идеи Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстого.

В заключительной части хорошо было бы, как принято в диссертационных работах, сформулировать наиболее актуальную проблематику для дальнейших научных исследований в данной области.

Несмотря на вышеперечисленные недочеты и недоработки, диссертационное исследование священника Димитрия Кравченко «Классические педагогические системы Руссо, Гербарта и Фребеля в свете православной педагогики» безусловно обладает немалыми достоинствами, представляет ценнейший и объемнейший труд в актуальной области истории педагогики и заслуживает самой высокой оценки с присуждением ученой степени кандидата богословия.

4.2. ОТЗЫВ доцента протоиерея Максима КОЗЛОВА на кандидатскую диссертацию студента IV-го курса Академии экстерната священника Димитрия КРАВЧЕНКО по кафедре Православной педагогики на тему: «Классические педагогические системы Руссо, Гербарта и Фребеля в свете православной педагогики».

Данная диссертация состоит из следующих разделов: введения, двух частей основного содержания, каждая из которых включает в себя три главы, заключения, списка литературных источников.

Во введении автор приводит обоснование актуальности темы исследования, заключающейся в возрастании авторитета Православия в обществе, а также в дезориентации и беспомощности

традиционной светской педагогики перед натиском пропаганды безнравственности. Становится совершенно очевидной необходимостью создание систематических курсов и учебных пособий по православной педагогике, способных обогатить и педагогику светскую. В светской педагогике наметились тенденции заимствовать ценности из педагогических воззрений святых отцов, писателей и педагогов древней и современной Церкви. Это находит отражение и в новых государственных образовательных программах.

Цель и задачи диссертации адекватны теме исследования и отражают основное ее содержание. Научная новизна, теоретическая ценность, практическое значение, положения, выносимые на защиту, апробация работы в основном соответствуют требованиям, предъявляемым к содержанию кандидатских диссертаций. Достаточным является количество и значимость работ, опубликованных автором по теме диссертации.

В первой главе первой части («Определение, цель и задачи православной педагогики») с использованием материалов около трехсот публикаций рассмотрены вопросы построения законченной системы православной педагогики.

Во второй главе первой части автор рассматривает вопросы православной антропологии. Автор считает особенно важным подчеркнуть иерархическое устройство человека, поскольку представление Руссо о гармоничном человеке до сих пор воспринимается многими педагогами за аксиому.

В третьей главе первой части автор выделяет и рассматривает три основных института воспитания ребенка: семью, Церковь и школу.

Вторая часть диссертации посвящена детальному анализу классических педагогических систем Руссо, Гербарта и Фребеля. В первой главе второй части оценивается с православных позиций педагогическая система Ж.-Ж. Руссо, во второй главе педагогическая система И. Ф. Гербарта, а в третьей педагогическая система Фридриха Фребеля. <...>

Следует отметить и некоторые недостатки:

Не дается четкого определения: что вкладывается в понятие «образование» в православной педагогике? Есть ли разница между определениями этого понятия в педагогике православной и светской?

Несколько спорный вывод делается на с. 63: «Характерные отрицательные природные черты детей, тяготеющих к типам сангвиника, флегматика, холерика и меланхолика, к интровертам или экстравертам являются следствием грехопадения прародителей».

Не вполне ясно, какой же все-таки можно дать ответ на следующий вопрос: «Какие положения являются общими в православной и светской педагогике?».

В выводах недостаточно внимания уделяется практическому значению работы.

Тем не менее, диссертация священника Димитрия Кравченко, представленная на соискание ученой степени кандидата богословия, является законченной научной работой, содержащей разработку актуальной проблемы построения системы православной педагогики. Автор безусловно достоин степени кандидата богословия, а работа его может быть оценена как отличная.

5. ОТЗЫВ доцента А. А. ВОЛКОВА на дипломную работу студента IV курса Академии Сектора заочного обучения иерея Сергея ВЯЛКОВА по кафедре Риторики на тему «Логическая и риторическая аргументация»

Рецензируемое дипломное сочинение содержит систематическое изложение основного содержания первой части курса риторики для духовных школ. Работа состоит из введения, девяти глав, заключения и списка использованной литературы.

В первой и второй главах рассматриваются основные теоретические вопросы топики как составной части системы аргументации, даются необходимые определения, рассматриваются важней-

шие этапы истории аргументации и дается общее представление о составе и структуре риторического аргумента.

В последующих главах дипломного сочинения систематически рассматриваются основные виды аргументации: научная, учительная, эвристическая, диалектическая, софистическая. В каждом разделе содержатся теоретическая и практическая части: раскрываются необходимые теоретические понятия и рассматриваются тщательно подобранные и показательные примеры. В заключении даются необходимые сведения об исполнении устной публичной речи: виды аудиторий и характеристики каждого вида, которые должен иметь в виду публично говорящий.

Библиография включает 19 наименований, хотя на самом деле в тексте использовано значительно большее число работ по риторике и логике: библиография дипломного сочинения является рекомендательной, что не случайно.

Если оценивать жанр и назначение рецензируемого сочинения о. Сергия Вылкова, то можно уверенно сказать: здесь мы имеем дело с практически готовым учебным пособием по риторике, на базе которого можно смело преподавать риторику в духовных училищах и семинариях. С точки зрения композиции, характера подачи материала, его организации и изложения пособие построено весьма остроумно и квалифицированно. Особое внимание обращает на себя самостоятельность автора, который сумел успешно выделить в объемном и сложном курсе самое важное — представить его в форме, оптимальной для усвоения учащимися.

Что касается недочетов и отдельных ошибок рецензируемого сочинения, то упрекать за них автора, не имеющего специального лингвистического образования, было бы несправедливо: о них можно сказать автору в рабочем порядке.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что о. Сергей Вылков заслуживает отличной оценки за дипломное сочинение «Логическая и риторическая аргументация», которое при незначительной доработке может быть опубликовано в качестве учебного пособия по риторике. В завершение отзыва следует отметить, что автор

рецензируемого дипломного сочинения может быть рекомендован в качестве преподавателя риторики в семинарии.

6.1. ОТЗЫВ профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Академии игумена ГЕРАСИМА (Поповича) по кафедре Церковного права на тему: «Расколы в Сербской Православной Церкви (1945—1995 гг.) и их каноническая оценка».

Кандидатская диссертация игумена Герасима (Поповича), объемом 153 с., состоит из введения, 2 глав: «Американский раскол», «Македонский раскол» и краткого заключения. Список использованной литературы включает 44 названия. В нем не указаны многочисленные архивные документы, использованные диссертантом, ссылки на которые помещены внутри текста.

Во «Введении» дан аналитический обзор норм канонического права, направленных на защиту Церкви от расколов и разделений. Две главы диссертации на материале расколов, появившихся в Сербской Церкви во второй половине XX столетия, иллюстрируют, с одной стороны, неизбежность и абсолютную адекватность канонов в любой, самой сложной ситуации, возникающей в церковной жизни, а с другой — показывают, как пренебрежение каноном ведет к церковным нестроениям и бедствиям.

Диссертация отличается замечательно полной документированностью и умелым каноническим анализом всех перипетий, связанных с возникновением и развитием исследуемых расколов в Сербской Церкви. Автор также с должным вниманием учитывает и внешний, политический и национальный фактор, способствовавший развитию схизм. В связи с этими своими качествами настоящая работа имеет и значительную историко-церковную ценность.

К недостаткам рецензируемой диссертации можно отнести следующее:

1) отсутствие более дробного деления внутри больших глав, что несколько затрудняет ориентацию в тексте работы;

2) можно было бы проследить историю американского раскола вплоть до его изживания, преодоления. Очевидно, автор диссертации не ставил перед собой задачи показать, как преодолен был американский раскол, но если бы эта тема тоже присутствовала в работе, это повысило бы качество диссертации;

3) в главе, посвященной американскому расколу, в изложении событий следовало бы в большей мере соотнобразовываться с хронологической последовательностью — читателю было бы легче понять изложенное;

4) языковые погрешности, объяснимые, очевидно, тем, что работа написана автором не на родном для него языке;

5) полиграфические недостатки, опечатки и т. п.

Поскольку с содержательной стороны диссертация игумена Герасима обладает высокими достоинствами, рецензент считает возможным, несмотря на определенные отмеченные здесь недостатки, оценить работу как отличную.

6.2. ОТЗЫВ преподавателя протоиерея Валентина АСМУ-СА на кандидатскую диссертацию выпускника Академии игумена ГЕРАСИМА (Поповича) по кафедре Церковного права на тему: «Расколы в Сербской Православной Церкви (1945—1995 гг.) и их каноническая оценка».

Работа игумена Герасима имеет два аспекта. Предоставив оценку канонической стороны диссертации ее научному руководителю, ограничусь ее церковно-исторической стороной.

XX век породил много расколов в Православной Церкви. Они имеют разные причины; для расколов, возникших в Русской и Сербской Церквях, наиболее значимы два фактора: коммунистическая диктатура и националистический сепаратизм. В этом — большой интерес темы диссертации для ее русских читателей.

Работа четко разделяется на две части — «Американский раскол» и «Македонский раскол», соответственно двум главным (хотя

и не единственным) расколом, омрачившим жизнь Сербской Церкви в XX в.

Главу I автор начинает с середины XIX в., когда множество австрийских сербов отправилось в Америку в порядке экономической эмиграции. К сожалению, этот этап истории Православия в Америке, как правило, изображается в нашей литературе односторонне. Утверждается, что вся Северная Америка была канонической территорией Русской Православной Церкви, и появление на этих землях других православных юрисдикций в 1920-х гг. было результатом неких раскольнических поползновений. На самом же деле еще до первой мировой войны был поставлен вопрос о переходе сербских приходов в Америке в Белградскую юрисдикцию. Автор, надо думать, в согласии с официальным мнением своей Церкви, признает это «вполне каноничным» (с. 14). Можно добавить, что святитель Тихон, будущий Патриарх, в отчете Св. Синоду за 1905 г. докладывал о возможности «самостоятельности Сербской Церкви в Америке», констатируя, впрочем, что «пока она еще преждевременна». Греки в конце XIX — начале XX вв. создали в Америке несколько десятков приходов, которые находились в Константинопольской или Афинской юрисдикции до 1908 года, когда состоялось Деяние патриарха Константинопольского и его Синода, коим Афинскому Синоду передавалась каноническая власть «над всеми православными греческими церквами диаспоры: в Европе, Америке и в прочих землях». Только после первой мировой войны Афины отказались от этой власти в пользу Константинополя. Здесь мы должны коснуться одного существенного недостатка рецензируемой работы: автор берет тему крайне узко, и почти совсем ничего не говорит, например, о реакциях Православных Поместных Церквей на Американский раскол Сербской Православной Церкви, в то время как по существу всякий раскол есть рана на теле православной полноты, а в Америке эти раны особенно ощутимы, поскольку минимум два с половиной десятка юрисдикций сосуществуют на тесном пространстве американских мегаполисов. Упомянув о хиротонии раскольнического сербского

архиерея двумя украинскими епископами (с. 64), автор не интересуется, к какой именно неканонической группировке они принадлежали. Он ничего также не говорит об отношении к Сербскому Американскому расколу Русской Зарубежной Церкви. А это отношение было, надо сказать, исключительным: Русская Зарубежная Церковь поддерживала различные расколы, возникавшие под флагами антикоммунизма и антимодернизма, но сербского раскола в Америке не поддержала, поскольку надеялась сохранить те добрые отношения с Сербской Церковью, какие у нее были в промежутки между мировыми войнами. Подобным же образом автор почти ничего не говорит о межправославном отношении к Македонскому расколу, не упоминая о таких серьезных его ошибках, как вступление в церковное общение с болгарскими раскольниками «патриарха» Пимена и — что, пожалуй, еще хуже — с группировкой Денисенко на Украине.

Все остальные замечания имеют второстепенное значение. На с. 8 Охридская Архиепископия названа епископией, а король Стефан Первовенчаный назван царем. Там же без уточнений именуется Константинополем православная Патриархия в Никее. На с. 10 и 12 неверно употреблено слово «епархия» в значении церковного округа. На с. 11 неверно утверждается, что в 1878 г. встал вопрос о восстановлении Сербской Патриархии, в то время как тогда речь шла только об автокефалии Белградской Митрополии. На с. 12 сербский князь назван царем. На с. 14, где речь идет о 1905 г., поминается Белgrado-Карловацкая Митрополия, в то время как в Белграде и Карловцах резидировали Предстоятели двух разных автокефальных сербских Церквей. На с. 60 делается остающаяся неясной дистинкция «поместных» и «краевых» Церквей. По-видимому, имеется в виду различие между национальными Церквями (Сербской, Болгарской и т. д.) и канонически обособившимися частями одной национальной Церкви (Белградская Митрополия, Карловацкая Митрополия, Черногорская Митрополия и т. д.). Но ведь в плане формально-каноническом нет никакой разницы между автокефалиями, принадлежащими к разным

этнокультурным общностям или к одной. Не зная принятой в Сербской Церкви титулатуры, можно все же предположить, что соборы и Синоды этой Церкви именуются не Святейшими, как это на каждом шагу делает автор, тем более что он сам непоследователен и изредка именует их Священными (как делаем и мы) или Святыми. Производит впечатление небрежности множество нераскрытых аббревиатур: СКК, СНО, НОБ, БЮР (с. 31, 32, 58, 90, 137). Встречаются ошибки стилистические, грамматические, пунктуационные, хотя в целом автор справился с проблемой языка вполне удовлетворительно. Кое-где, впрочем, текст поврежден и непонятен (с. 123).

Все сказанное не умаляет, однако, весьма положительной, в целом, оценки работы. Автор с солидной (хотя и не исчерпывающей) полнотой изложил важные исторические события и дал им взвешенную и правильную историческую и каноническую оценку. Им выразительно изображены объективные трудности церковной жизни при коммунистической власти, когда давление на Церковь компрометировало ее в диаспоре, а «ленинская национальная политика» вела к возникновению церковных разделений внутри СФРЮ. И в то же время показан внутрицерковный фактор разделений — амбициозность некоторых деятелей, их связанность и плененность стихиями мира сего, будь то политическими или национальными.

Диссертация может быть оценена как хорошая, и игумен Герасим (Попович) достоин искомой степени.

7.1. ОТЗЫВ профессора А. И. СИДОРОВА на кандидатскую диссертацию студента IV курса Академии иеромонаха ВАССИАНА (Змеева) по кафедре Патрологии на тему: «Святитель Амфилохий Иконийский как церковный писатель и богослов».

Среди великих каппадокийских отцов святитель Амфилохий Иконийский часто как бы оставался в тени и на заднем плане. Его срав-

нительно мало изучали, и количество работ, посвященных ему, значительно меньше, чем, например, исследований жизни, творчества и богословия святителей Василия Великого или Григория Нисского. В русской патрологической науке всего только две работы (иеромонаха Порфирия (Попова) и профессора И. В. Попова) непосредственно касаются этого святителя. Новое критическое издание творений его, осуществленное в 1978 году, поставило проблему полного и всестороннего осмысления значения свт. Амфилохия как церковного писателя и мыслителя. Решению данной проблемы и посвящено исследование отца Вассиана. Сразу следует подчеркнуть, что это действительно исследование в подлинном смысле данного слова. Диссертант работал непосредственно с греческим оригиналом творений святителя, переводя их на русский язык; достаточно хорошо он знает и специальную литературу, как русскую, так и зарубежную. В своей работе он удачно сочетает следование лучшим традициям русской патрологической науки и самостоятельность. Его диссертация написана в классическом жанре патрологической монографии — логика и законы этого жанра отцом Вассианом строго соблюдаются.

У меня есть только несколько небольших замечаний и пожеланий. На с. 32 Леонтий Византийский называется святым, что неверно, а свт. Ефрем Антиохийский, прп. Анастасий Синаит и прп. Иоанн Дамаскин почему-то лишены этой чести. На с. 53 и далее автор хорошо показывает связь творений свт. Амфилохия с античным жанром «протрептика», что вполне понятно, учитывая хорошее риторское образование святителя. Но в этом плане было бы целесообразно наметить бытование данного жанра в церковной письменности II — начала IV вв. (например, у Афинагора и Климента Александрийского), где он обрел ряд новых черт. Далее, говоря о «доминировании оригеновского богословия» у каппадокийских отцов (с. 64), со ссылкой на Н. И. Сагарду, следует все-таки подчеркнуть, что такое «доминирование» (или, точнее, влияние) затрагивало только лишь отдельные «сегменты» их богословского мирозерцания. Кроме того, Никео-Цареградский символ

лучше давать, на мой взгляд, в привычном церковнославянском варианте, а не в русском переводе (см. с. 94). Не согласен я и с тем, что замена термина «ипостась» понятием «лицо» (πρόσωπον) «сглаживает резкое различие между сущностью и ипостасью» (с. 104). По своим этимологическим истокам последние два понятия (οὐσία и ὑπόστασις теснейшим образом связаны и оба имеют глубокий онтологический смысл. Не случайно они долгое время употреблялись как синонимы (еще у свт. Афанасия Великого) и в богословском контексте. Поэтому «резкого различия» между ними не было: скорее, термин «лицо» довольно существенно отличался от них обоих. Наконец, я не стал бы повторять такого некорректного выражения К. Хотя, как «официальная богословская наука» (с. 110) — православная «акривия» в выборе выражений должна соблюдаться.

Естественно, что сделанные замечания несколько не умаляют больших достоинств работы отца Вассиана. Считаю автора ее несомненно достойным искомой степени кандидата богословия. Более того, полагаю, что после соответствующей доработки и дополнения ее можно представить в скором времени как магистерскую диссертацию.

7.2. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ДИОНИСИЯ (Шленова) на кандидатскую диссертацию студента IV-го курса Московской Духовной Академии иеромонаха ВАССИАНА (Змеева) по кафедре Патрологии на тему: «Святитель Амфилохий Иконийский как церковный писатель и богослов».

<...> Основной задачей диссертанта стало изложение богословских воззрений святителя Амфилохия Иконийского, одного из великих отцов Церкви. Особую ценность работе придает то, что иеромонах Вассиан хорошо изучил по первоисточникам сочинения свт. Амфилохия, и некоторые из них перевел на русский язык. В своих рассуждениях и оценках он отталкивается от уровня современной патрологической науки, развивавшейся по преимуще-

ству на Западе. В то же время автор пытается как можно более возвысить значение святителя, продолжая традицию отечественной патрологии: в оценке значения святителя Амфилохия для православного богословия излагается точка зрения знаменитого патролога профессора Ивана Васильевича Попова, автора единственного специального русскоязычного исследования о творчестве этого святого отца в начале XX века. Диссертант в своем исследовании по-новому прочитывает сочинения святителя, а также опирается на недавно изданные сочинения свт. Амфилохия, не известные профессору Попову.

Во вступительной части диссертации критикуются воззрения некоторых западных исследователей, которые не нашли у свт. Амфилохия оригинальной богословской системы, хотя самому автору придется пойти по тому же пути. Дальнейшие рассуждения строятся с позиции верности святителя церковному Преданию и его стремления принести пользу Церкви, которая нуждалась «не в оригинальности, а в углублении каппадокийского богословия».

В 1-й главе пространно излагается житие свт. Амфилохия. Исследование переписки свв. Василия Великого и Григория Богослова со свт. Амфилохием, а также ссылки на свидетельства древних историков позволили взглянуть на житие святого отца в общем контексте истории Церкви IV в. Иногда диссертант уклоняется в изложение тех вопросов, которые уместно было бы рассмотреть в специально выбранных для этого главах, с другой стороны, некоторые места требуют более подробного изложения, напр., слишком кратко сказано о проведении святителем Иконийского собора, хотя этому вопросу посвящен специальный раздел (с. 18, 19). Автору следовало бы охарактеризовать мессалианское учение, против которого был направлен Сидский собор (с. 27—29) — антииерархическая направленность мессалиан хорошо подчеркивает защищаемый автором практический характер сочинений свт. Амфилохия, защитника церковных интересов. Житие святителя заканчивается годом смерти. В традиционных трудах по патрологии говорится о посмертном почитании, канонизации, дне памяти, са-

мых известных памятниках искусства и гимнографической традиции. Отсутствие данных сведений, быть может, объясняется стремлением автора как можно быстрее перейти к богословской проблематике своего труда.

Во 2-й главе, посвященной творениям свт. Амфилохия, иеромонах Вассиан в признании подлинности некоторых спорных сочинений придерживается точки зрения немецких исследователей. Этот вопрос был бы рассмотрен более полно, если бы автор исследовал более широкий круг литературы. В отношении праздника Сретения автору следовало бы проявить большую осторожность. Связь малоазийской литургической традиции с традицией Иерусалимской Церкви при всей кажущейся очевидности нуждается в серьезных доказательствах. Если бы автору действительно удалось доказать празднование Сретения при свт. Амфилохии Иконийском, он сделал бы настоящее научное открытие!

В качестве дополнения к главе о произведениях свт. Амфилохия диссертант представил анализ риторических особенностей свт. Амфилохия и указал на его отношение к светской образованности (гл. 3).

В изложении богословских воззрений свт. Амфилохия следует отметить главы «Триадология» (гл. 4), «Христология» (гл. 5) и «Сотериология» (гл. 6). В главе, посвященной учению о Святой Троице, подробно раскрывается роль святителя в формировании тринитарной терминологии и употребление им термина «образ бытия Лиц Святой Троицы». В следующей главе иеромонах Вассиан показывает, как у святого Амфилохия формируется христологическая терминология, которая впоследствии будет принята Православной Церковью. Учение свт. Амфилохия Иконийского о человеческой природе Христа и интерпретация Гефсиманского борения в некоторых чертах предвосхищает последующие построения прп. Максима Исповедника. Хорошо было бы соотнести его с соответствующими местами Иллария Пиктавийского, современника Амфилохия, известного антиарианского богослова IV в.

Проповеди для перевода выбраны диссертантом очень удачно

как с точки зрения их неизвестности до недавнего времени, так и исходя из их богословского содержания (см., например, подробное объяснение имен Божиих в проповеди на Воскресение задолго до появления «Ареопагитик»). Перевод данных проповедей сделан очень корректно, он не стремится к дословности, но очень точно передает все мысли автора и распутывает иногда достаточно хитросплетенные риторические построения.

Отдельные недочеты перевода:

1. В переводе не проставлена нумерация параграфов, присутствующая в западном издании, что существенно упростило бы цитирование данного текста.

2. Цитаты из Священного Писания приводятся по-церковнославянски, но иногда автор скорее не по необходимости, а по внутренней интуиции цитирует по-русски, что не совсем последовательно. Напр., он избегает славянского «аз», но сохраняет или не сохраняет «есмы» (с. 169, 170).

Вместе с тем в основном тексте он пытается полностью отказаться от использования славянизмов, что иногда делает текст менее выразительным, поскольку теряется прямая связь с толкуемым библейским текстом. Напр., на с. 169 «будем радоваться» вместо «возрадуемся» в соответствии с Пс. 117, 24.

3. Автор не всегда передает красоту текста, которая достигается за счет повторения одних и тех же слов или, наоборот, через сознательную перестановку слов. Напр., греческое *ἰδοῦ* было бы выразительнее перевести «се», тем более что дальше следует библейская цитата, в которой есть данное слово (с. 169). Вместе с тем автор дважды использовал словосочетание «купель крещения» вместо формально противоположных греческих *βάπτισμα λουτροῦ* и *λουτρὸς βαπτίσματος* — «крещение омовения» и «омовение крещения» (с. 169).

4. В одном месте перевод мог быть более точным. В начале слова на Воскресение упоминается новокрещеный человек, после помазания «миром». Слово *μῦρον* переведено менее конкретным «благовухание».

5. Переводчик не всегда последователен. Он переводит τὸ ἱστίον τοῦ σταυροῦ «парус креста», а в следующей строке то же самое словосочетание — «мачта», хотя остается не совсем понятным, что мачта, на которой прикреплены паруса, символизирует Животворящий Крест Господень (ср. с. 170). Этот образ требует более точной передачи, напр., «парус, прикрепленный ко кресту».

6. Переводчик несколько свободно обращается с временами, передавая настоящее время прошедшим и наоборот, конечно, совсем не из-за незнания греческой грамматики, но из желания более литературно передать оригинал. Возможно, ему не хватило времени для того, чтобы придать переводу идеальную отточенность и сделать все временные перестановки очевидными и приемлемыми. В одном месте появляется прошедшее время вместо настоящего по чистой невнимательности, поскольку далее в том же предложении в аналогичной ситуации настоящее время сохраняется (с. 168).

7. И, наконец, в переводе допущена одна грубая ошибка: πολυώνυμος переведено «многообразный» вместо «многоименный» (с. 170).

В целом можно отметить, что диссертация отличается, с одной стороны, ясностью стиля и мысли, добросовестностью и кропотливостью и, с другой — талантливим изложением богословских воззрений святого Амфилохия. Она несомненно заслуживает отличной оценки и искомой степени кандидата богословия.